

НАУКА И КУЛЬТУРА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОЦЕНКЕ ГЕРМАНСКИХ ИСТОРИКОВ

Л. Н. Корнева

SCIENCE AND CULTURE IN NAZI GERMANY: GERMAN HISTORIANS' ASSESSMENT

L. N. Korneva

В статье анализируется немецкая историография нацистской политики в области науки и культуры. Внимание акцентируется на проблеме исторического континуитета.

German historiography of Nazi policy in science and culture is analyzed in the article. The problem of historical continuity is emphasized.

Ключевые слова: немецкая историография, нацистская Германия, наука, культура, приспособление, тоталитаризм.

Keywords: German historiography, Nazi Germany, science, culture, adjustment, totalitarianism.

Области просвещения, образования и науки были объектом пристального внимания нацистов. Система тоталитарного государства облегчала проникновение нацистских идей во все стороны общественной жизни, способствовала воспитанию немцев в духе так называемого «народного сообщества». Изучение механизма тоталитарного государства немецкими историками стимулировало исследование его влияния на науку и культуру. Одновременно это было тесно связано с политико-моральным вопросом о мере ответственности различных социальных слоёв общества за преступления нацистов.

Целью настоящей статьи является анализ достижений немецких учёных в этой области, определение тенденций развития немецкой историографии, анализ дискуссионных и малоисследованных проблем истории германского фашизма. В 70 – 80 годы XX века в ФРГ особенно большой интерес был проявлен к таким областям исследования, как роль медицины, анатомии, психиатрии, юриспруденции, социальных наук, педагогики, поскольку именно эти области оказались тесно связанными с нацистской идеологией и политикой. В эти годы историки провели детальные исследования положения отдельных наук при нацизме, отмечая одностороннее развитие тех её направлений, которые были связаны с военным производством [13].

Современные немецкие авторы рассматривают состояние науки в нацистской Германии под углом зре-

ния континуитета и/или разрыва с предыдущими периодами. Эту проблему они анализируют, уделяя внимание связям с предыдущим демократическим режимом в Германии – Веймарской республикой. Что касается влияния на науку идеологии и политики, то оно сравнивается, преимущественно, с кайзеровской Германией 1889 – 1914 гг. Такое внимание континуитету связано с проверкой мнения о снижении уровня научных исследований в нацистской Германии.

Научные общества, институты и университеты не сопротивлялись нацистской «кадровой политике» расового и политического толка, введению принципа фюрерства и утрате автономии. Особенно пострадали университеты. Среди учёных была распространена позиция приспособления к режиму, которая проводилась либо принудительно, либо добровольно. Как считает М. Грютнер, приспособление явилось самым широко распространённым феноменом в отношениях между наукой и нацизмом [7, с. 135 – 153].

В большей степени свою независимость от НСДАП сохранили институты научного общества кайзера Вильгельма (ныне – общество Макса Планка). При смене президента общества в Веймарской республике и далее от известного немецкого физика Макса Планка к Карлу Бошу в 1936 г. сохранялась некоторая преемственность: Бош, как и Планк, был известен своей критической позицией по отношению к национал-социалистам. Они, например, пытались доказывать Гитлеру вред и опас-

ность для науки политики изгнания учёных. В последующие годы Бош более или менее открыто использовал своё влияние для противодействия политике режима. Вместе с тем и он в 1937 г. был вынужден уступить давлению нацистского министра образования и науки с целью усиления принципа фюрерства и изгнания своих не чисто «арийских» заместителей. Роль сената научного объединения опустилась до уровня совещательного органа. Историками отмечается всё большее вмешательство в научную жизнь государственных органов, в частности, ведомства по 4-летнему плану во главе с Герингом, готовившем страну к войне.

Негативные явления стали сказываться по мере выпадения нацистского «Третьего рейха» из международного сообщества: стали затрудняться или прерываться международные контакты, усилилась политизация руководящего персонала, началось сокращение финансирования институтов с точки зрения их «нужности» или «важности». Как пишут немецкие авторы Хельмут и Армен, «фаворитами оставались только нужные для войны физика, химия, техника» [4, с. 385]. Оценивая позицию естествоиспытателей, авторы считают, что физики и многие другие учёные дисциплинированно исполняли свои функции, но убеждения, что их государство «правильное», у них не было. Одновременно «важными» считались евгеника и Институт антропологии, которые имели контакты с концентрационным лагерем Освенцим. В составе института были специальные отделения (например, отдел по евреям), которые занимались расово-биологическими вопросами. Учёные этого института оказались замешаны в расовых преступлениях нацистов [4, с. 396 – 397]. Углубленный анализ деятельности институтов, входивших в научное общество кайзера Вильгельма, показывает, что, несмотря на отъезд ряда видных учёных из нацистской Германии, институты сохранили довольно высокий уровень исследований, особенно в области естественнонаучных дисциплин. В 1937 г. были открыты новые институты: лимнологический институт, институты физики атмосферы, биофизики [4, с. 390]. В целом позиция учёных академических институтов и университетской профессуры по отношению к национал-социализму характеризуется как капитуляция перед ним [10].

Историк М. Сцёллэзи-Янзе анализирует работы учёных в области обеспечения «автономии» немецкого хозяйства от конъюнктуры мирового рынка. Она обращает внимание на то, что ещё в Веймарской республике государство уделяло много внимания этой проблеме – в смысле создания в перспективе «военноспособного» хозяйства. При государственной поддержке возникла целая система исследовательских учреждений из промышленных лабораторий, высших школ и институтов, работавших в этом направлении.

Касаясь политики нацистов в области науки, Сцёллэзи-Янзе отмечает, что она была продолжена в прежнем направлении, но «с разной степенью усердия. Нацистский режим разрушал то, что противостояло его идеологии, но в своей основе процесс «онаучивания» не откатился назад» [20, с. 170]. Нацистским государством была продолжена и усилена поддержка однобоких и ориентированных на автаркию исследований в области экономического развития страны. Автор отстаивает точку зрения о том, что развитие науки не обязательно связано с демократизацией и гуманизацией общества.

Этот процесс при отказе от различного рода норм становится деструктивным, антигуманным и несущим смерть, что и произошло при национал-социализме.

На всех ступенях разработки экономических программ в них участвовала крупная промышленность. Исследовательница считает, что тем самым крупные концерны впадали в зависимость от государства, на что указывает опыт химического концерна «ИГ Фарбенин-дустри». Положение концернов она показывает как зависимое от нацистского курса и больше как жертву нацистской политики. Вместе с тем многочисленные работы по тому же концерну «ИГ Фарбен» других учёных свидетельствуют о том, что он играл подчас инициативную роль во взаимоотношениях с нацистским режимом [2].

Гуманитарные науки также подверглись деформации, связанной, главным образом, с геополитическими и расовыми притязаниями нацистов. Особенно это касалось исторической науки. Учёные признают, что в этой области приспособление исторической науки к потребностям режима произошло довольно быстро. Однако долгое время в ФРГ превалировала точка зрения, что этот «оппортунизм» не был напрямую связан с господством в высшей школе антидемократического мировоззрения. Согласие с режимом было поверхностным и не означало прямой поддержки целей нацистов и его идеологии. Гораздо большую роль в этом приспособлении играли идеализм, а также прямая подчинённость науки нацистскому режиму (либеральный историк Г. Ротфельс). Имело место, таким образом, частичное оправдание исторической науки за сотрудничество с нацистами. Вплоть до середины 60-х гг., как отмечали демократически настроенные авторы (В. Абендрот), попытки изучения позиции высшей школы при нацизме наталкивались на сильное сопротивление [19, с. 13].

Позднее оправдательный взгляд стал пересматриваться, особенно в связи с появлением биографий видных историков, а также при изучении истории отдельных университетов и работавших там историков. При этом речь шла не только об историках – специалистах по новой и новейшей истории, но и занимавшихся древностью и медиевистикой. При этом основная масса исследователей 70 – 80 гг. подтверждали наличие довольно широкого поля приспособленчества исторической науки к национал-социализму.

Одной из первых крупных работ на эту тему стала книга либерального историка К. Шёнвэльдер «Историк и политика. Историческая наука при национал-социализме» [18]. Работа базируется на архивных источниках и анализе обширных материалов публикаций историков и исторической периодики 1933–1945 гг. (около 770 названий книг и статей). В центре её исследования при этом находится политическая история и взаимное влияние исторического познания и нацистской действительности. Особое внимание автор уделяет анализу вопроса об отношении историков к внешней и военной политике Гитлера.

Книга Шёнвэльдер закрывает своим исследованием одно из белых пятен в проблеме положения исторической науки при нацизме, в особенности – сообщества консервативных историков. Книга построена по хронологическому принципу и в ней показано, по каким пунктам во взглядах историков на современные им события 1933 – 1945 гг. имелись согласие или противоре-

чия; какая эволюция происходила у историков по мере развёртывания нацистской политики.

Выводы Шёнвэльдера чётко структурированы по главам и в конце книги. Её выводы звучат неутешительно для исторического сообщества периода национал-социализма. Так, автор пишет, что с приходом Гитлера к власти большинство историков ожидали внешне-политического подъёма Германии, которому должен предшествовать внутренний успех – и это должно быть сделано новыми методами и требовало «сплочения нации». Преобладающим среди историков было мнение о необходимости авторитарной власти [18, с. 63].

Историки фактически не противодействовали вмешательству властей в жизнь университетов и «чистке» вузов от «нежелательных» элементов. Пострадали прежде всего преподаватели либеральных и демократических взглядов. Что касается консерваторов, то в основном их оценки истории и современности сохранялись. Довоенная внешняя политика оценивалась как оправданная и необходимая, а аншлюс Австрии – как высший пункт немецкого единения, а также шаг к новому порядку в Европе. «Тот факт, что он осуществлялся под знаком фашизма, оценивалось либо положительно, либо игнорировалось», – пишет Шёнвэльдер [18, с. 137]. Во время войны была предпринята попытка вовлечь более именитых историков в поддержку политической линии нацистов и оправдать войну. При этом не считалось необходимым превращать университеты в пропагандистские учреждения НСДАП [18, с. 88 – 89].

Шёнвэльдер констатирует, что с 1933 по 1945 гг. в целом сохранялся континуитет исторических исследований. В то же время произошло приспособление научных вопросов и ответов на них к доминирующим тенденциям времени и использование науки для целей войны и порабощения. Так, большинство историков, занимавшихся Восточной Европой, поддержали идею «крестового похода» против «еврейско-большевистско-азиатской» угрозы европейской свободе и культуре. Критические голоса были, и даже в публикациях, но они оставались в меньшинстве [18, с. 268].

Со стороны нацистского руководства преобладало стремление не к подавлению исторической науки, а к интеграции её консервативно-националистической части, к сотрудничеству с университетской наукой. Для власти было достаточным готовность учёных политически поддержать режим. Ею поощрялись исторические изыскания в области таких идеологем, как «раса», «народное тело», «рейх», «образ фюрера» – в общем, из арсенала не столько национал-социалистов, сколько предшествующих немецких «младоконсерваторов» и «народников». Историки также напрямую сотрудничали с государственными и партийными органами в качестве научных сотрудников, советников, референтов и т. п. при подготовке различных планов, выставок, особенно в области «нового порядка» в Европе [18, с. 275]. Автор приходит к выводу о существовании в Третьем рейхе политического ангажемента историков, независимо от возраста и специализации, который способствовал «историческому» оправданию национал-социалистической политики.

В 90-х гг. последовал ряд полемических публикаций о континуитете историографии Третьего рейха и ранней ФРГ, например в оценке исторических взглядов одного из основателей послевоенной западногерманской историографии Карла Дитриха Эрдмана [3].

Процесс «историзации» национал-социализма (уход в прошлое вместе с поколением свидетелей) более ярко высветил роль гуманитарных, в частности, исторических наук, в поддержке нацизма. Эту тему было решено обсудить в специальной секции 42-го конгресса германских историков, проходившего в сентябре 1998 г. во Франкфурте-на-Майне. Это было тем более важно, что речь шла об историках, сыгравших выдающуюся роль в развитии западногерманской историографии. Как пишут авторы: «Дебаты о прошлом германских историков при национал-социализме являются дебатами по истории ранней ФРГ» [6, с. 12]. В выступлениях учёных освещалась деятельность различных исследовательских групп и институтов, функциями которых являлись поиски подтверждения в немецкой истории притязаниям нацистов на господство в Средней и Восточной Европе. «Сегодня, – пишут авторы издания, – мы располагаем корпусом источников, следуя которым (можно говорить) о большем, чем до сих пор было известно, числе историков, служивших национал-социализму» [6, с. 16].

Особенно большую роль в обосновании нацистами ликвидации «национальной чересполосицы» в Восточной Европе сыграли исследовательские группы так называемого «Остфоршунга» (Исследование Востока). Там трудились такие видные учёные, как А. Бракман, Г. Аубин, а также впоследствии известные историки ФРГ Г. Ротфельс, Т. Шидер, Т. Оберлендер и др. (доклад В. Моммзена) [6, с. 183 – 214]. В заключение своего выступления Моммзен заявил, что «...созданы интеллектуальные предпосылки, которые сегодня делают возможным критически судить наших историографических отцов и дедушек» [6, с. 210].

Действительно, в начале XXI века исследования по исторической профессуре оказались в поле пристального внимания. Более подробно активную работу историков при нацизме в области изучения «борьбы народов на Востоке» осветил И. Хаар. Он в очень невыгодном свете представил «кумиров» либералов послевоенной Германии – историков К. Эрдмана, В. Конце, Т. Шидера и др. Оказалось, что практически все историки – современники нацизма, оставшиеся в Германии (за исключением людей, действовавших в подполье), так или иначе содействовали режиму. Осуждение Хаар вызвал тот факт, что после войны упорно замалчивалось то обстоятельство, что Г. Ротфельс – глава послевоенного либерального направления западногерманской историографии – накануне прихода нацистов к власти был сторонником реакционно-консервативной концепции «натиска на Восток» [9]. На страницах журнала «Ежеквартальник современной истории» была продолжена полемика на эту тему. Глава социально-критической исторической школы ФРГ, ученик Ротфельса – Г. А. Винклер обвинил И. Хаар в плохом обращении с источниками [22].

Интересно, что признание факта активного сотрудничества основателей западногерманской историографии с нацистским режимом произошло со значительным опозданием, если сравнивать с работой восточногерманского историка-марксиста В. Бертольда, который ещё в конце 50-х – начале 60-х гг. осуждающе писал на тему сотрудничества историков с нацизмом [1].

В журнале «Ежеквартальник современной истории» отмечается повышенное внимание к уточнению пози-

ций отдельных деятелей науки и культуры в отношении к национал-социализму. Их карьера рассматривается в рамках, в которые укладывались как осуждение некоторых действий нацистов, так и приспособление к режиму (статьи о немецком астрономе Хекмане, историке Ротфельсе, писателе Юнгере, философе Клагесе, композиторе Орффе и др.). Так, Т. Шнайдер, анализируя творчество и позицию известного философа Клагеса, отмечает, что прославление им «героического» начала в человеке широко использовалось нацистской пропагандой, особенно во время войны [21]. Работы историков последнего десятилетия XX – начала XXI века показывают усиление критического осмысления поведения общественно значимой элиты при национал-социализме.

Нацистским целям стало служить и искусство, и эстетика. Для последующего развития немецкой историографии в этом направлении имела принципиальное значение работа Петера Райхеля об «обманчивом сиянии Третьего рейха». 1990-е годы оказались отмеченными повышенным интересом историков и культурологов к теме политизации искусства и литературы, её континуитета и дисконтинуитета в условиях нацистского режима.

Длительное время в европейском общественном мнении господствовала точка зрения о полном крушении немецкой культуры в период нацистской диктатуры. Это было связано с оценкой нацизма как погружения Германии в варварство, а также с обстоятельствами Второй мировой войны. В связи с очевидным «фруковдством» нацистами культурой и её связью с пропагандой, историки и искусствоведы отказывали культурной жизни Германии этого периода в каком-либо развитии. Констатировался полный разрыв с богатейшими традициями страны в этой области. В такой оценке проявилось огромное влияние критики нацистской политики со стороны всемирно известных немецких писателей-эмигрантов.

В современной историографии до сих пор нет единой точки зрения по вопросу об отношении нацистского режима к историческому и культурному наследию Германии. Остаётся спорным вопрос о создании при Гитлере специфической нацистской культуры. Вопрос об отношении «немецкой классики» и нацизма является давно дебатруемым вопросом об общественной роли духовной, культурной и научной элиты Германии в XX столетии в целом, и при национал-социализме в частности.

Больше внимания стало уделяться формированию взглядов нацистов на культуру в период Веймарской республики. Авторы отмечают, что культурная политика нацистов формировалась в ожесточённой борьбе с культурными течениями Веймарской республики. Историк Фастман в книге, посвящённой деятельности нацистской палаты культуры, показывает, что деятели нацистского «Культурбунда» утверждали, что культура Веймарской республики оказалась «отчужденной от политики и от народа» и это отчуждение должно быть устранено [8, с. 5]. Свою задачу нацисты видели в устранении свободы творчества, свойственной либеральному обществу и «направлении» творческих сил представителей культуры в русло «традиционной, народной культуры». Историк также разбирает те принципы, на которых должна была строиться политика Палаты

культуры, созданной после 1933 г., выделяет их пропаганду расовыми идеями.

Другой автор, Харманд, подверг скрупулёзному анализу взгляды на культуру, которые проповедовали нацисты. Он пишет, что они не означали полного разрыва с культурой предшествующего периода. Культурные идеи нацистов во многом пересекались с консервативными и народными утопиями немецкой идеологии – с их верой в народных вождей и грёзами о грядущем тысячелетнем рейхе [11].

Нацистские идеологи и «специалисты» по культуре мечтали также о создании «своей», специфически нацистской культуры, как некоего синтеза «народной» и «классической» немецкой культуры, сплавленной одновременно с чёткими формами их пропаганды по созданию в Германии «народного сообщества» и нового «Великого рейха» (Третьего рейха). Политика нацистов в области культуры состояла не только из отрицания «расово-чуждых» элементов внутри неё. Она также предусматривала сохранение, прославление и, по возможности, привлечение на службу своим идеям немецкого классического культурного наследия в области литературы, музыки, изобразительного искусства и архитектуры, подчеркивают авторы исследований в этой области.

В рамках ответа на вопрос: что же привлекало немцев к нацистам – современная историография культурной политики стала больше внимания уделять попыткам нацистских идеологов использовать для себя классическое культурное наследие Германии. Особенно это касается такого богатого культурными традициями города, как Веймар. После войны этот город Гёте и Шиллера для мировой общественности стал известен и своим соседством с печально знаменитым лагерем Бухенвальд. Историки пытаются ответить на вопрос: имеется ли какая-либо внутренняя связь между двумя этими явлениями? В книге «Третий Веймар. Классика и культура при национал-социализме» они раскрывают обстановку культурной жизни Веймара накануне и после прихода нацистов к власти [5].

Авторы статей показывают, что в Веймаре в течение 1920-х гг. наблюдалось противостояние консервативного, немецко-национального «духа Веймара» и политического, либерального, республиканского Национального собрания – «веймарского духа» («духа Веймарской республики»). Сами нацистские «эксперты от культуры» понимали, что перед ними стоит довольно сложная задача достижения «единения духа и политики». В этом направлении многое сделали Вильгельм Фрик (с 1930 г. – нацистский министр народного образования и внутренних дел Тюрингии, а с 1933 г. – имперский министр внутренних дел). Начиная с середины 1920-х гг., нацистские деятели осуществляли регулярные паломничества в этот город и превращали его в «сцену» нацистского движения. Овладение Веймаром было важно для нацистов и с политической точки зрения: ведь именно здесь была провозглашена республика, идеологически тесно связанная с ценностями французского Просвещения и революции. Гауляйтер Тюрингии Ф. Заукель (впоследствии – «Генеральный уполномоченный по привлечению рабочей силы» для Третьего рейха), молодой руководитель «Гитлерюгенда» Б. фон Ширах и другие видные нацисты делали всё, чтобы выстроить мосты между культурой прошлого и национал-социалистическим движением, чтобы обозначить по-

следнего как преемника классического немецкого наследия. Нацисты намеревались выстроить здесь «новую классику», опираясь на союз с традиционной общественной элитой Тюрингии. Этот союз действительно уже обозначился в 1930 г., когда нацисты вошли в состав правительства, а с 1932 г. возглавили его. К этому времени культурный истеблишмент Веймара был ориентирован в национально – консервативном духе. В культурном поле утвердилось мнение, что со времен классицизма Веймар является «сердцем немецкой культуры». Всё это облегчало переход городских слоёв на рельсы «народного, национал-социалистического» движения [5, с. 9].

Сам Гитлер не раз подчёркивал, что, подобно Байрейту (родовое поместье немецкого композитора Вагнера), который нацисты превратили в культовое место поклонения немецкой музыке, Веймар будет «городом национал-социалистического возрождения».

С момента прихода нациста Фрика в правительство Тюрингии стало ясно, что начинается закат либеральной культурной политики. Это видно на примере острой борьбы с модернистской школой конструктивизма «Баухауз», окончившейся в пользу «классики» консерваторов и нацистов [5, с. 343]. Типичным явлением для отношений между «духом» и «властью» во времена нацизма считались конфликты между ними. В действительности же картина была более пёстрой. Её можно выразить различными категориями: «унификация», «приспособление», «сопротивление», «дистанцирование». То же относится и к Веймару. Последние исследования показывают, что те культурные процессы, которые инициировали нацисты после 1933 г., начали развиваться в Веймаре задолго до них, и большая часть культурной элиты мыслила категориями Третьего рейха. В качестве примера можно было бы привести активную деятельность на общественном и культурном поприще Тюрингии главы немецко-национальных и народных объединений А. Бартеля. С большой публицистической силой он обрушивался на «еврейство» в немецкой литературе [5, с. 16].

Стратегической целью нацистов (Заукеля и др.) было создание «нового, национал-социалистического Веймара», который с помощью классической литературной и философской традицией должен был стать центром нацистского культурного ландшафта. Этим целям служили намерения по строительству «Гауфорума», расширение музея Гёте, а также строительства «зала памяти Ницше» и др. В 1934 году отмечалось 175 лет со дня рождения Шиллера, и это стало поводом для первой большой нацистской инсценировки поклонения классике в Веймаре. В ходе её наследие поэта широко интерпретировалось в духе «национальной революции», провозглашённой Гитлером.

Было бы ошибочно считать консервативную культуру Вильгельмовского периода Германии и «культурную революцию справа» периода Веймарской республики «предысторией» гитлеровской диктатуры в области культуры. Но нельзя не заметить, что существовали определённые связующие линии между ними. Видимо, не совсем случайно и существование рядом друг с другом города «немецкой классики» и концентрационного лагеря Бухенвальд, как крайнего выражения «отбрасывания» всего «чуждого немецкому духу и культуре». Некоторые слои культурной элиты Веймара проявили готовность к сотрудничеству с нацистами в

более тесном плане. Известно, что оркестр Немецкого национального театра давал и в самом театре, и на выезде т. н. «закрытые» концерты для охраны концентрационного лагеря Бухенвальд [5, с. 349]. Известный немецкий писатель-гуманист Томас Манн констатировал ещё в 1932 году (юбилейном году Гёте), незадолго до прихода нацистов к власти в Тюрингии, что здесь, в Веймаре, господствует «совершенно своеобразное смешение гитлеризма и Гёте» [14, с. 71]. Эта тенденция продолжала сохраняться и развиваться и при нацистской власти.

Современные авторы опровергают ранее широко распространённое мнение, что музыка в Третьем рейхе, в отличие от литературы и изобразительного искусства, в наименьшей степени подверглась давлению со стороны нацистского режима. Считалось даже, что в этой области искусства нацистский режим достиг большого успеха. Историки и культурологи более углублённо показывают, каким образом нацистские искусствоведы трактовали в угоду себе и этот вид искусства. Нацисты изымали и запрещали те её формы, которые они считали враждебными «народному духу» и «народному обществу». Авторами отмечается высокий уровень политизации Вагнеровского музыкального фестиваля, превращение взглядов и музыки Вагнера (так же, как и взглядов философа Ницше) в «векторные идеи» национал-социализма. В то же время специалисты отмечают сохранение и даже развитие эстетики вагнеровской музыки, особенно его исторических опер. Более того, вагнеровское влияние частично прослеживалось и на эстетическом оформлении нацистского движения и режима [17, с. 20, 49, 53, 147, 273 и др.].

Проблема модернизма в музыке проявилась у нацистов в двух аспектах: первый – в изгнании большинства известных немецких композиторов XX века по расовым мотивам или за принадлежность к авангардизму; второй – в торможении овладением молодым поколением композиторов действительно новыми формами музыки. Борьба с «модернизмом» в этой сфере была достаточно жёсткой, и современные формы музыки, включающие в себя атональность, диссонансы и др., были запрещены как еврейские и разлагающие формы [16, с. 329 – 330]. В результате понизился уровень представляемых на конкурс музыкальных партитур, отставание от музыкального развития на международном уровне.

Немецкие авторы отмечают, что напрямую на службу национал-социализму было поставлено песенное творчество немецких композиторов. Песня о Хорсте Весселе – «герое-мученике» нацистского движения была приравнена к национальному гимну. Нацистский режим поощрял написание и исполнение песен героико-патриотического плана с ритмичной музыкой. Их было легко петь хором и в строю. В песнях также сквозили любовь к природе, народу, матери. Наибольшей популярностью пользовались песни композитора Г. Баумана. Как позднее вспоминала одна из руководительниц «Союза немецких девушек», «нацистское государство было и диктатурой песни. Мы постоянно пели: при вхождении в деревню, в лагере, на праздниках, на утренниках... Иногда я спрашиваю себя, кто на меня больше повлиял – А. Гитлер или Г. Бауман, и склоняюсь в пользу последнего» [12, с. 5]. Авторы исследования песенного творчества при нацизме ярко показывают, как нацисты использовали тяготение молодёжи к

песне, традиции немецкого хорового пения, «овладевали душой народа».

Книги и статьи немецких авторов свидетельствуют, что у представителей искусства и литературы оставалось мало шансов избежать национал-социалистической унификации. В них показывается, насколько было легко или трудно писателям и поэтам преодолеть авангардизм в процессе компромисса с нацистским нормативно-утопическим пониманием модерна в искусстве, с его терминологией «народности», «общности», «нового рейха».

Особенно сильно подверглись «чистке» по политическим и расовым мотивам радио и кино. То же самое касается и изобразительного искусства, в котором для художественного модерна не оставалось пространства. Лишь архитектура избежала тотального наступления против модернизма: здесь и в жилых, и в

производственных комплексах, и в «новых современных музеях» использовались элементы модернистской архитектуры [15].

В целом на германскую историографию взаимодействия власти с научными и культурными организациями Германии сильное воздействие оказал процесс «историзации» нацизма, т. е. его переход из современной истории в историю прошлого. В этой области исследования наиболее сильно проявилась ревизия взглядов. Она развилась в двух направлениях: с одной стороны, – в смягчении оценок относительно культурной жизни нацистской Германии только как проявления варварства; с другой стороны, – в открытии «неудобных» страниц истории сотрудничества известных деятелей науки и культуры с нацизмом, которые по каким-либо соображениям длительное время замалчивались.

Литература

1. Бертольд, В. «... голодать и повиноваться». Историография на службе германского империализма: [пер. с нем.] / Бертольд. – М., 1964.
2. Боркин, А. Преступление и наказание ИГ Фарбениндустри: [пер. с англ.] / А. Боркин. – М., 1981. Сэсюли, Р. ИГ Фарбениндустри: [пер. с англ.] / Р. Сэсюли. – М., 1948;
3. См., напр. книгу: Kröger M. / Thimme R. Die Geschichtsbilder des Historikers Karl Dietrich Erdmann. Vom Dritten Reich zur Bundesrepublik. – München, 1996 и полемику вокруг неё в журнале *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU)*, 48, 1997.
4. Albrecht, H. Die Kaiser-Wilhelm Gesellschaft im Dritten Reich (1933–1945) / H. Albrecht // *Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-Max Plank-Gesellschaft*. Hrsg. Von Rudolf Vierhaus und Bernhard von Brocke. – Stuttgart, 1990.
5. Das Dritte Weimar: Klassik und Kultur im Nationalsozialismus / hrsg. Von L. Ehrlich... – Köln; Weimar; Wien; Boehlau, 1999.
6. Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Schulze, O. G. Oexle. – Frankfurt am Main, 1999.
7. Enzyklopädie des Nationalsozialismus / Hrsg. von W. Benz, H. Graml, H. Weiß. – München, 1998.
8. Fastmann, U. J. Reichskulturkammer. Aufbau, Funktion / U. J. Fastmann. – Aachen, 1995.
9. Haar, I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten / I. Haar. – Göttingen, 2000.
10. Heiber, H. Universität unter Hakenkreuz. Teil I: Der Professor im Dritten Reich / H. Heiber. – München, 1991; Teil II: Die Kapitulation der Hohen Schulen. – München, 1992 – 1994.
11. Hermand, J. Der alte Traum vom neuen Reich. Völkische Utopien und Nationalsozialismus / J. Hermand. – Frankfurt am Main, 1994.
12. Lieder in Politik und Alltag des Nationalsozialismus / G. Niedhart; hrsg. G. Broderick. – Frankfurt am Main, 1999.
13. Lundgreen, P. Wissenschaft im Dritten Reich / hrsg. P. Lundgreen. – Frankfurt am Main, 1985.
14. Mann, Th. Meine Goethe-Reise. In *Gesammelte Werke in 13 Bänden*. Bd. 13 / Th. Mann. – Frankfurt am Main, 1974.
15. Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland: Vorträge des interdisziplinären Arbeitskreises zur Erforschung der Moderne im Rheinland / hrsg. Von Dieter Breuer, G. Cepl-Kaufmann – Paderborn; München u.a., 1997.– Kapitel III, IV.
16. Niemöller, K.W. Das Problem der Modernität in der Musik nach 1933 / K. W. Niemöller // *Moderne und Nationalsozialismus im Rheinland...*
17. Richard Wagner im Dritten Reich: ein Schloss Elmau-Symposium / hrsg. Von S. Friedländer, J. Rösen. – München, 2000.
18. Schönwälder, K. Historiker und Politik. Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus / K. Schönwälder. – Frankfurt am Main, 1992.
19. Strauss, H. u. a. Die Emigration der Wissenschaften nach 1933 / hrsg. H. u. a. Strauss. – München, 1991.
20. Szöllösi-Janse, M. Universitäten und Wissenschaften im Dritten Reich / M. Szöllösi-Janse; hrsg. Von Bernd Sösemann // *Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Einführung und Überblick*. – Stuttgart; München, 2002.
21. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ), 49. – Jahrgang, 2001.
22. Winkler, H. A. Hans Rothfels – ein Lobredner Hitlers?: Quellenkritische Bemerkungen zu Ingo Haars Buch «Historiker im Nationalsozialismus» / H. A. Winkler // *VfZ*, 49. – Jahrgang., 2001, S. 645; *VfZ*, 50. – Jahrgang 2002.

Информация об авторе:

Корнева Лидия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, КемГУ, 8(3482) 35-74-82, korneva_21@mail.ru.

Korneva Lidiya Nikolaevna – Doctor of History, Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of KemsU.